

«ЧЕРНЫЙ БАРОН»

Элеонора Тихоновна БОНДАРЕВА,
журналист

Из рассказа Романа Федоровича Унгерна фон Штернберга о себе: «Я происхожу из древнего рода Унгерн фон Штернбергов, в нем смешались германская и венгерская — от гуннов — кровь. Мои воинственные предки сражались во всех крупных европейских битвах. Принимали участие в крестовых походах, один из Унгернов пал у стен Иерусалима под знаменем Ричарда Львиное Сердце. В трагически закончившемся крестовом походе детей погиб 11-летний Ральф Унгерн. Когда храбрейших воинов Германской империи призывали в XII в. на охрану от славян ее восточных границ, среди них был и мой предок — барон Унгерн фон Штернберг. Там они основали Тевтонский орден, насаждая огнем и мечом христианство среди язычников. С тех пор среди членов ордена всегда присутствовали представители моего рода. В битве при Грюнвальде, положившей конец существованию ордена, пали смертью храбрых два барона Унгерна. В XVI—XVII вв. несколько поколений баронов фон Унгерн владели замками на землях Латвии и Эстонии. Генрих фон Унгерн по прозвищу Топор был странствующим рыцарем, его прекрасно знали на турнирах Франции, Англии, Испании и Италии. А барон Ральф Унгерн был рыцарем — разбойником, наводившим ужас на территорию между Ригой и Ревелем. Барон же Петер Унгерн обосновался в замке на острове Даго в Балтийском море, где и пиратствовал. В начале XVIII в. жил известный в свое время барон Вильгельм Унгерн, которого за его занятия алхимией называли не иначе как «брат сатаны». Мой дед каперствовал в Индии, где приобщился к буддизму, мы с отцом тоже признали эту религию, и я исповедую ее...».

Такое вот родословное древо. Исследователи, взявшись за дело, обнаружили здесь перегиб в сторону крутизны, однако и при этом раскладе генетическая воинственность Романа Унгерна остается на прочном пьедестале. Заполняя свою колоритную анкету где-то в 1921 г., он еще не знает, что в родовом гнезде подрастает очередной Унгерн, которому предстоит после второй мировой войны под именем лейтенанта Доллerta войти в список военных преступников. Фашист Доллерт, племянник Романа Федоровича, в поисках якобы спрятанных дядей легендарных сокровищ будет последним, с кем встретится собеседник Унгерна, писатель и авантюрист по совместительству Антонин Фердинанд Оссендовский.

«Наш род, в котором всегда преобладали военные, имел склонность к аскетизму и мистике», — добавит к своему рассказу Роман Унгерн, совершенно справедливо сделав ударение на «мистике». Сейчас, когда секреты рассек-

речены и о таких «палеонтологических типах», каким считают «черного барона» некоторые историки, можно решительно отдать предпочтение мистике как основной движущей силе взглядов и поступков Романа Унгерна. Политика в его феерической биографии, а также в мироощущении была лишь пространственно-временным обстоятельством, с которым ему приходилось считаться. Почему, черный барон? Видимо, потому, что в цветовой символике черный цвет олицетворяет зло. Но при этом было Белое движение, ярким представителем которого стал «черный барон», и была белая богиня, представляющая в монгольском пантеоне добро.

Чего только в нем, этом высоком, тонком, хлестком, как нагайка, бароне в халате с буддийской свастикой на генеральских погонах российского производства, не намешалось! Белокурая бестия, он истово был уверен в царственном предназначении желтой расы. Роман Унгерн мог бы вслед за Геббельсом повторить: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет», но при этом он окружал себя литераторами и философами-головорезами. Муж китайской принцессы и аскет в стиле тибетских лам. Хотел сделаться вторым Чингисханом, но, воюя с большевиками, не чурался их взглядов на коммунистическое будущее, поскольку материальными благами для себя самого не интересовался.

«В 1911 г. Монголия попыталась освободиться от китайского владычества, и Унгерн отправился туда добровольцем, — пишет Борис Воробьев в журнале «Чудеса и приключения» («ЧП») под рубрикой «Антология таинственных случаев», — именно в это время он познал и полюбил нравы и обычаи местного населения, поскольку пробыл в этой стране до 1914 г.»

Источник, на который мы ссылаемся, навряд ли отнесешь к научным, но сама информация о персонаже чисто событийна, к тому же все так называемое «научное» о жизни «черного барона» с сегодняшней «продвинутой» позиции весьма тенденциозно. Да и «ЧП» не истина в последней инстанции: Роман Унгерн «полюбил» монголов не потому, что узнал их обычаи, он ехал туда убежденным буддистом. Кстати, буддизм — это не столько религия, сколько жизненный путь; влиятельные ламы не упускают возможность деликатно поправлять европейцев, зачисляющих буддизм в список крупных религий.

В 1888 г. философ Владимир Соловьев, будучи в Париже, попадает на заседание Географического общества, где китайский военный атташе, одетый в яркий шелковый халат, обратился к европейцам с весьма лукавым замечанием: «Вы истощаетесь в непрерывных опытах, а мы воспользуемся плодами этих опытов для своего усиления. Вы сами приготовите средства, которые мы употребим, чтобы покорить вас».

Мысль об угрозе с Востока, положенная в основу соловьевской «Повести об антихристе», быстро завладела воображением европейской, а затем и японской интеллигенции. В прямом соответствии с обещанием китайца на парижском заседании европейских светил японцы противопоставили панэллинизму, пангерманизму и прочим идеям панмонголизма, т. е. господства желтой расы на развалинах исчерпавшей себя белой цивилизации. Новоиспеченная идеология «желтого апокалипсиса» вошла в моду накануне и в годы русско-японской войны. Одни призывали вступить в последний и решительный бой с потомками Золотой Орды, другие, наоборот, воспринимали идеологические установки монголов, застывших на уровне средневековья, с надеждой на духовное обновление.

Роман Унгерн, возводивший свой род, как сказано выше, к началу средних веков, тосковал по феодальной патриархальности быта и нравов и, узнав о назревшей возможности обновления по принципу «вперед назад», объявил себя панмонголистом. Панмонголизм был явлением неоднозначным, внутри течения лежало полным-полно подводных камней, но барону была близка суть, которой он с поистине железной целеустремленностью и придерживался. Сын доктора философии Лейпцигского университета, в большевистском плену Унгерн высказывал свои убеждения в стиле, вполне достойном отца: «Восток непременно должен столкнуться с Западом. Белая культура, приведшая европейские народы к революции и сопровождавшаяся веками всеобщий нивелировки, подлежит распаду и замене желтой восточной культурой, которая образовалась три тысячи лет назад и до сих пор сохраняется в неприкосновенности».

Зря в советских фильмах изображали отвращение на лице Унгерна, когда ему во время обряда пришлось пить из одной емкости с прокаженным. Роман Федорович вовсе не брезговал братьями по «жизненному пути». Его чрезвычайно занимали загадочные лингвистические созвучия типа «Унгерн-Урга» и сходство его христианского имени с фамилией последнего русского царя, которого в Монголии называли «белым», как потомка Екатерины II, в ходе сложных расчетов однажды оказавшейся воплощением Белой богини. Выносливость его поражала окружающих, храбрость наводила на мысль о заговоренности. Монголы объявили этого человека очередным воплощением бога войны; это не помешало им, когда пришел час, аккуратно связать своего «бога» и бросить на солнцепеке на пути приближающихся красных...

Судя по ответам Унгерна на допросе в Новониколаевске (Новосибирск), он мог быть обезоруживающе искренним и по-детски наивным.

Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг родился в 1885 г. в Австрии; полное имя его — Роберт — Николай — Максимилиан. Став взрослым, он заменил эту католическую триаду «Романом» и взял отчество «Федорович» от русифицированного имени отца.

Учился в ревельской гимназии, откуда был за какие-то «проступки» изгнан в десятилетнем возрасте и отдан в морской корпус в Петербурге. В 1905 г., не закончив курса, попытался попасть на войну с Японией. Не получилось: его назначили в Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. Полк стоял на станции Даурии между Читой и китайской границей. Командир хвалил молодого офицера, но тот вновь совершил «проступок» (кажется, пьяная драка с рубкой на шашках). Выручили родственники.

В 1910 г. барон отправляется в Амурский казачий полк, расположенный в Благовещенске, но и там ему не сидится: видимо, дает себя знать бурная и буйная кровь странствующего рыцаря — предка. Просится в Монголию в военные инструкторы; с учетом репутации отказывают. Тогда — отставка в чине поручика и курс на Халху, где можно было бы сразиться на стороне монголов против китайских войск.

Это 1913 г., идеология будущего «черного барона» находится в стадии формирования. Предъявляет попутчикам командировочное удостоверение примерно такого содержания: «... полк Амурского казачьего войска удостоверяет в том, что вышедший добровольно в отставку поручик Роман Федорович Унгерн-Штернберг отправляется в поиски смелых приключений».

В Монголии Унгерн вступает в войско Дамби Джамцана, известного под именем Джа-ламы. Джа-лама — персонаж поистине фантастический. У него

почти потусторонняя сила, воплощенная в личности, обладающей способностями гипнотизера и незаурядным интеллектом. Эта почти сказочная фигура зацепила своим вороньим крылом и Романа Унгерна, временно пребывавшего с не совсем ясным статусом в окружении Джа-ламы. Завершилась эта страница жизни барона прозой: русская администрация в Монголии удалила его в Верхнеудинский казачий полк сверхштатным офицером. Оттуда он в 1914 г. вернулся в Ревель, к своей родне. Родня потом свидетельствовала, что Роман еще в Кобдо, в Монголии, изучал монгольский и китайский языки и проникся страстью к ирреальному духовному быту местного населения...

Сразу же после начала первой мировой войны Роман Унгерн воюет в Восточной Пруссии, под Ригой, на Юго-Западном фронте. Четырежды ранен. Награжден Георгиевским крестом. Однополчане замечают, что он чуть ли не помешан на рыцарских подвигах, предназначение к которым чувствует. Война для него — все. Однако в январе 1917 г. его за очередной «проступок» (избил комендантского адъютанта в Тернополе) увольняют из армии, и барон снова в Ревеле.

Начало 1918 г. застает его уже в Маньчжурии, где атаман Григорий Семенов, бывший однополчанин Романа, формирует воинское подразделение для борьбы с большевиками. Потом, сравнивая «атамана» и «барона», отметят очень существенную разницу между их жизненными установками: если Семенов в конечном итоге вполне удовлетворился бы судьбой удельного князя, то Унгерн поражал равнодушием к столь примитивному счастью, предпочитая если не попасть на ханский трон, то по крайней мере пасть в бою за этот трон.

Итак, 1918 г., Даурия, Азиатская дивизия во главе с Романом Унгерном. В ноябре 1918 г. Семенов, будучи полковником, производит Унгерна в генерал-майоры, и барон прикрепляет к своему монгольскому халату эполеты русского генерала с буквами «АС» («Атаман Семенов»). Генеральство барона, таким образом, скорей самозванное, чем законное, но это дела не меняет: за бывшим есаулом закрепляется высокий воинский чин. Отпустившего остренькую бородку («под Чингисхана») Романа Федоровича прозывают «Дедушкой», хотя ему всего 33 года — возраст Христа.

В августе 1919 г. Роман Унгерн вступает в брак (первый и последний в его жизни) с маньчжурской принцессой из императорской фамилии, известной нам под именем Елены Павловны. Брак был скорее всего явлением чисто политического характера. Мемуарист пишет: «Женившись на китайке, барон через месяц отправил ее обратно к родителям и выступил в поход». Потом, когда над его головой начнут сгущаться тучи, он проявит любезность в духе аристократа чести: разведется с женщиной, чтобы тень его имени не омрачила ее будущее.

В сентябре 1920 г. Унгерн фон Штернберг вдруг разворачивает свою Азиатскую дивизию против Дальневосточной республики.

В Азиатскую дивизию в то время входили три конных полка по 150—200 сабель в каждом — Монголо-Бурятский, Татарский и «атамана Анненкова» плюс Даурский конный отряд с пулеметной командой и две батареи. Сначала эта значительная по забайкальским масштабам сила теснила красных, затем успех изменил барону. Белые, возмущенные его зверскими дисциплинарными методами, жаждали пустить непокорного барона «в расход», а красные, естественно, хотели того же, хоть и по другой причине.

Азиатская дивизия пересекает границу, потом петляет по Монголии и, можно сказать, ныряет в небытие. В октябре 1920 г. она внезапно объявляет-

ся перед пригородами монгольской столицы — Урги, которая с 1924 г. стала Улан-Батором. Цель — отнять власть у китайцев и вернуть монголам.

Китайцы изгнаны, богдогодэн на троне, трубы трубят славу освободителю Унгерну... Что же дальше? Не делай добра, чтобы тебе не сделали зла: Роман Федорович Унгерн со своим склонным к мародерству войском быстро стал в тягость благодарному, но не лишённому здравого смысла правительству Урги.

Еще накануне вступления в Ургу Унгерн сблизился с петербургским профессором Антонином-Фердинандом Оссендовским, ученым, писателем и якобы шпионом Антанты, чем и объясняют неожиданно тесные контакты этого посольского авантюриста с Унгерном, редко кого допускавшим в свой мир. Есть мнение, что резидент от имени своих хозяев, намеревавшихся узнать подробнее о «черном бароне», предложил ему некое будущее.

Оссендовский впоследствии напишет об Унгерне много и, как выяснится при проверке, правду. Плотнее всего эти двое сошлись на мистицизме. Судьбы, предсказанные ламами-гадателями для того и другого, сбылись. От Оссендовского — от одного из первых — стало известно о кладе Унгерна, состоявшем из отнятого у китайцев золота и дивизионного имущества. Клад искали в районе площадью примерно в 600 квадратных километров.

Азиатская дивизия, фактически объявленная вне закона, металась по пустыне. Сдаться на милость победителя, т. е. русским красным, монголам Сухэ-Батора или китайцам? Уйти в Тибет? Ни в коем случае!

Казакам вовсе не хотелось в Тибет. Осточертело мотаться по холодной и голодной Гоби и азиатам. Потрепанная малочисленная Азиатская дивизия, количество служивых людей в которой европейскими СМИ всегда еще как преувеличивалось, таяла на глазах, несмотря на драконовские расправы с дезертирами.

... «Бога войны» большевики взяли совершенно случайно. Изумились, когда он назвал себя.

Протоколы допросов и суда сохранились, но подробности процедуры дознания в них, естественно, не фиксируются. Вопросы задавались между тем самые неожиданные. Член трибунала на судебном заседании в Новониколаевске спросил: «Скажите, каково ваше отношение к коммунизму?» Унгерн ответил: «По моему мнению, Интернационал возник в Вавилоне три тысячи лет назад». Имелась в виду, конечно же, Вавилонская башня, строительство которой привело к смешению языков. Барон Унгерн отлично понимал, чем закончится для него расследование, которому большевики изо всех сил старались придать объективный облик, чтобы убедиться в собственной правоте.

Расстреляли его 15 сентября 1921 г. Буквально в тот же день шепотом заструился слух: Роман Федорович Унгерн фон Штернберг бежал, к стенке поставили вовсе не его...

SUMMARY. The article by journalist E. Bondareva «Black Baron» tells about life and activity of one of the famous figures of the Civil war in the Far East Baron R.F. Ungern. The author expounds his biography estimating his fate and deeds not only from political point of view but also from the base of values common to humanity. As a result her story about Ungern is very interesting.